
Татьяна ОКОМЕНЮК

РАССКАЗЫ

ДУРАЧОК

Санька Курехин по прозвищу Дурачок жил в Черноморске у бабушки Веры Васильевны с пяти лет. Как только окончательно выяснилось, что с ребенком «что-то не так», родители депортировали его из Хабаровска в Крым, на родину матери. Мотивировали свое решение заботой о больном сыне, который при плохой экологии и резко континентальном климате «вообще загнется». А Черное море с насыщенным ионами йода и брома воздухом, горячим песком, лечебными грязями, большим количеством солнечных дней, изобилием местных фруктов и овощей — самое то, что нужно для выздоровления ослабленного дитяти. Мол, курорт «и не таких исцеляет».

И Вера Васильевна, и ее дочь с зятем прекрасно понимали, что «таких» не исцелит никакой курорт. Что Санька навеки «задержится в детстве», поскольку из-за внутриутробной гипоксии у него развилась дисфункция головного мозга. А это — нарушение мышления и кратковременной памяти, повышенная тревожность, неспособность сосредоточиться, резкие перепады настроения, отставание от одноклассников в социальном взаимодействии, а значит — долгие годы тяжелого кропотливого родительского труда безо всякой надежды на выздоровление отпрыска. Сколько ни колотись, сколько ни вбухивай денег в эту «черную дыру», а избавление от интеллектуальной инвалидности невозможно: поврежденные нейроны мозга не способны регенерироваться ни при каком климате.

Вера Васильевна несколько раз прилетала в гости к внуку и видела, что его все обижают. Дочь без конца жаловалась на Саньку: «У него — скверный характер: не слушается, ленится, упрямится. Ничему не хочет учиться. На замечания реагирует агрессивно, часто замыкается в себе. Воспитательницы в детсаду называют его „двигательно-беспокойным“, а за глаза — дурачком. Может, его отправить в специализированное заведение?»

Вторая бабка вообще глаз ему не казала — стеснялась внука. «У нас в роду были всякие, но дурачков никогда не было», — раздраженно бросила она Вере Васильевне при встрече, как будто та была виновата в том, что Санька родился обмотанным пуповиной.

Зять, большой начальник в речном торговом порту, старался вообще не замечать «бракованного» сына. Он нигде с ним не появлялся, на семейные вылазки его не брал, во время праздников и торжеств с гостями прятал наследника в доме матери.

Татьяна Владимировна Окоменюк родилась в 1962 году в Днепропетровске (Украина). Окончила филологический факультет Тернопольского государственного педагогического университета. Публикуется в литературных журналах Германии, Австрии, России, Беларуси, Греции, Бельгии, Франции, Чехии, США, Израиля, Латвии, Украины. Автор 20 книг художественной прозы, изданных в Германии, США и России. Лауреат литературных премий имени: А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, А. Т. Твардовского, Л. Н. Толстого, В. В. Маяковского, святого благоверного великого князя Александра Невского. Живет во Франкфурте-на-Майне.

«Загубят пацана, ироды, — смахнула слезу баба Вера, глядя по голове льнущего к ней внука. — Они правы: со мной ему будет лучше».

Курехины аж подпрыгивали от радости, собирая в дорогу чемодан сына. Помахали ему на прощание и тут же забыли о его существовании. Нет, деньги на содержание отпрыска они присылали исправно. Хорошие деньги. Но сами в Черноморск не приезжали и в гости к себе Саньку ни разу не позвали. Не до него им было — у них родилась дочка. Нормальная. Гордость семьи. На вопрос бабы Веры: «Не пора ли детям познакомиться?» — раздраженно фыркали: «Еще не время. У Маришки — очень ранимая психика. Санька может ее напугать». А то, что при живых родителях мальчик растет как сирота, их совсем не волновало. Откупились — и зажили новой жизнью, как будто сына у них никогда и не было.

Вера Васильевна много делала для того, чтобы болезнь внука хотя бы не прогрессировала. Она читала ему детские книжки, показывала мультфильмы, много с ним беседовала, играла в лото, строила из кубиков конструкции, вырабатывала у Саньки навыки самообслуживания и выполнения несложных заданий. Женщина постоянно была на связи с медиками, знахарями и остеопатами, давала мальчику препараты, улучшающие кровоснабжение головного мозга, стимулирующие и укрепляющие нервную систему, регулярно делала ему ножные горячие ванны, массировала спину, готовила смеси из тертой моркови, лимона, меда и чеснока.

Санька безропотно принимал лекарства и мужественно переносил все процедуры, потому что хотел быть похожим на своего любимого литературного героя дядю Степу-милионера. Внешне он немного смахивал на своего кумира — худой, длинный, с высоким выпуклым лбом, белесыми ресницами и большими ярко-голубыми глазами, разделенными широкой переносицей.

Мальчик был деятельным, активным и подвижным, как ртуть. Мог без жалоб пройти несколько километров и без проблем вскарабкаться на известняковую скалу. Спал он немного, просыпался рано, что не мешало ему чувствовать себя отдохнувшим.

Парень нормально говорил, абсолютно все понимал, самостоятельно ходил в магазин и помогал по хозяйству бабе Вере, а вот со школой у него не заладилось, даром что класс был специальный — коррекционный. Учительница была им недовольна: программу не усваивает, на замечания не реагирует, с одноклассниками не общается, вы сидеть двадцатиминутный урок не может — поднимается и без разрешения идет гулять — пойдешь проследи, куда он направился и что сейчас делает. Не бросать же ради него остальных учеников! Пришлось Саньке перейти на домашнее обучение.

Внешне он отличался от своих сверстников лишь удивленно вззирающими на мир расширенными зрачками, а в остальном — обычный пацан: улыбочивый, аккуратно подстриженный, хорошо одетый. Вот только очень странный. С ровесниками он не якшался, дружил только с бабулей да ее соседом дядей Мишей, работавшим спасателем на местном пляже. Именно дядя Миша научил парня кататься на велосипеде, лазить по горам и причудливым гротам, ремонтировать технику, ловить рыбу, играть в подкидного дурачка.

Черноморцы, знающие Саньку с детства, его не обижали — он был местной достопримечательностью, а вот курортники буквально сворачивали шею, когда видели проезжающего мимо них подростка на велосипеде с прицепом, напоминающим цыганскую кибитку из кинофильма о Будулае. Последнюю он построил вместе с дядей Мишей. Бабуля, правда, тоже поучаствовала, пошив для «домика» внука кошемный покров из непромокаемой ткани.

Не меньше, чем кибитке, отдыхающие удивлялись и юному регулировщику, стоящему на оживленном городском перекрестке с полосатым жезлом в руке, красной повязкой на предплечье и оранжевом мотоциклетном шлеме на голове. Выгоревшую

на солнце повязку с надписью «дежурный» и треснутый пополам шлем Санька нашел на помойке, а жезл ему помог изготовить все тот же дядя Миша, у которого не было ни детей, ни внуков, а времени свободного — хоть ведром черпай. Вот он, смоливший в выходной свою старую лодку, и нанес черные полосы на светлую палочку соседа. С этих самых пор Санька стал всем представляться дядей Степой-регулирующим.

Вскоре в дом Веры Васильевны пожаловал настоящий дядя Степа — местный участковый Степан Макеев. Он отругал женщину за «недолжный контроль за слабо-вменяемым внуком».

— Держите своего дурачка дома, если не хотите, чтобы его у вас изъяли и отправили в дом инвалидов, — стучал он пудовым кулаком по столешнице. — Ишь чего удумал, негодник, — подвергать опасности свою и чужие жизни. А если какой-нибудь идиот и в самом деле свернет туда, куда показывает ваш невменяемый своей полосатой дубинкой?

Санька проплакал весь день — жаль было сломанного бабулей жезла и выброшенного в мусорный контейнер шлема. «Хорошо, хоть повязку успел спрятать в трусы, — проворчал он себе под нос. — Я все равно буду приносить людям пользу».

— Вот и приноси! — бросила через плечо баба Вера, разобравшая последнюю реплику внука. — Можно мусор на пляже убирать, можно пляжникам продавать мои пончики и кукурузу или вон Михаилу помогать на его спасательной станции. Не все же в компьютер пялиться на этот твой... «Свинячий патруль».

— Щенячий! — обиженно поправил бабку Санька. — Это же — настоящие спасатели! У них, знаешь, какой девиз? Отважным щенкам — все по зубам!

— Теперь знаю, — тяжело вздохнула Вера Васильевна. — В нашем случае щенки, конечно, меньшее зло, чем дядя Степа или капитан Врунгель. Я видела, они в одной серии чистили от мусора прибрежную полосу.

В этот же вечер Санька явился на пляж с большим полиэтиленовым мешком и длинной палкой-хваталкой. Он стал собирать в песке фантики, сигаретные пачки, огрызки, банановую и арбузную кожуру, баночки от колы и пива. Наклоняться ему было не нужно: увидел мусор, нажал на рычажок — и захват осуществлен. Парню даже понравилась работа уборщика, но он не учел, что именно в это, вечернее, время сюда десантируются голодные чайки, высматривающие на песке что-нибудь съедобное. Птицы по-хозяйски расхаживают по пляжу, не обращая ни малейшего внимания на задержавшихся у моря курортников, если, конечно, у тех в руках нет чего-нибудь вкусенького. В этом случае крылатые грабители не стесняются подлететь к жующему человеку, вцепиться клювом в кусок его пиццы, чурчхелы или пахлавы и под возмущенные крики потерпевшего убраться со своей добычей подальше.

Надо ли говорить, что появившегося на пляже Саньку чайки приняли за конкурента и стали кружить над ним, не позволяя забросить в мешок очередную находку. Их визгливые крики, острые когти и мощные крючковатые клювы вызвали у юноши панический ужас. Теряя шлепанцы, он понесся домой впереди собственного визга.

Санька всегда был очень трусливым ребенком. Перешагнув свое совершеннолетие, он остался таким же. Парень боялся не только чаек, он испытывал ужас перед дронами, сколопендрами, медузами...

С первыми двумя страхами ему удалось справиться с помощью бабы Веры. Посоветовавшись с психиатрами, та решила лечить внука методом «от противного»: бояться самолетов — надо летать, страшится моря — заставлять плавать, испытывает ужас перед дронами — купить ему дрон. И купила. Вскоре Санька перестал от него шараться и даже полюбил своего летающего робота. Юноша выходил с ним на улицу, запускал аппарат и внимательно следил за его полетом, пока однажды тот не улетел в сторону соленых озер с лечебной грязью. Жаль, конечно, вещь недешевая, но со сво-

ей задачей она уже справилась: при появлении дрона над головой Курехин-младший перестал прятаться и орать, что тот за ним следит.

Со сколопендрами вышло немного сложнее. Их баба Вера сама боялась. Это очень противные членистоногие с твердым панцирем, конечности которых заканчиваются ядовитыми шипами. Они очень быстро бегают, и если пронесутся по человеку, оставляют на коже ожоги. И вот одну из таких сколопендр женщина обнаружила на полу в коридоре. Огромную, длиной около двадцати сантиметров. Пыталась раздавить ее ногой — не вышло. Тогда она взяла камень и колотила им по спине незваной гостьи до тех пор, пока не убила. Не успела Вера Васильевна убрать ее тушку, как в коридор заскочил Санька. Увидев на полу труп микромонстра, затрясся от страха так, что аж обмочился. Пришлось скормить ему две таблетки феназепамы и спровоцировать приступ. Два дня пацану было плохо, а на третий он поймал у крыльца такую же сколопендру и сам пристукнул ее камнем. После этого случая страх перед членистоногими у него как рукой сняло. Он принял наконец тот факт, что они живут рядом и никуда от них не деться.

Но с самым главным ужасом Курехина ни Вера Васильевна, ни дядя Миша справиться не смогли. В пятилетнем возрасте Саньку, зашедшего по пояс в море, ужалила медуза. С диким ревом он выскочил на берег и с тех пор ни разу за тринадцать лет в нем не искупался. Что только баба Вера с ним ни делала, как ни заманивала в морскую пучину — нет, и все. Санька рассматривал большую воду как источник опасности и до сих пор ходил по пляжу в детском надувном круге, ловя на себе удивленные взгляды курортников и слыша их обидные реплики: «Гля, дрыщ совсем колпаком поехал!», «Дебил или косит под вальтанутого?», «Да это местный дурачок Санька, он безобидный»...

По этой причине продавать пончики и вареную кукурузу парень не захотел. Он боялся пляжников, стеснялся рекламировать свой товар да и жару переносил плохо. Все черноморцы уже с мая были покрыты ровным бронзовым загаром, и только «бледнолицый» Санька все лето ходил с облупившимися носом, плечами и спиной — не любило его солнышко.

Из всех предложенных бабулей вариантов остался только один — помогать дяде Мише на спасательной станции, но как можно быть помощником спасателя, если ты боишься войти в море даже по колена? Три дня парень провел в раздумьях. Сидеть дома ему было скучно. Неугомонная натура и внутреннее стремление быть полезным людям толкали его к новому виду общественно полезной деятельности. Опять же, его кумиры щенки были спасателями, так, может, и у него получится...

Санька проснулся с первыми лучами солнца, умылся, натянул на левую руку выгоревшую на солнце красную повязку. С трудом протиснулся в детский надувной круг, подаренный ему бабулей десять лет назад. Набросил на себя просторную белую майку с номером «6» на спине, и та, обтянув круг, стала похожа на балетную пачку, а сам парень в белых плавках, с длинными голыми ногами — на балерину. Хотя нет — скорее, на одного из мужиков-юмористов, изображающих балерину в пародии на «Танец маленьких лебедей».

В таком виде юноша явился во двор к дяде Мише. Убедившись, что его шлем, который он вытащил из мусорного контейнера и спрятал под лодку соседа, — на месте, пошел будить своего будущего начальника. Тот спал на раскладушке в летнем домике, поскольку с мая по сентябрь сдавал жилплощадь курортникам.

— Ядрена Матрена! — всплеснул мужчина руками, увидев парня в костюме балерины. — У вас что-то случилось? С Васильевной все в порядке?

— Я, дядь Миш, буду вашим ассистентом, — сообщил ему Курехин с очень серьезным видом. — Мне бабуля разрешила помогать вам спасать людей.

Вздохнув с облегчением, тот похлопал Саньку по плечу.

— Чтобы стать спасателем, нужно уметь нырять, прыгать с вышки в воду, плавать на длинную дистанцию. Какой из тебя спасатель, если ты воды боишься?

Санька молчал. Из его глаз текли слезы разочарования. Он очень хотел быть таким, как командир отряда поисково-спасательных щенков Зик Райдер или хотя бы, как виндсерфер лабрадор Зума. На крайний случай — как горный спасатель хаски Эверест. А тут такой облом...

— Разве что ты сумеешь побороть свой страх, — продолжил после паузы дядя Миша, — будешь смело заходить в воду, научишься плавать и перестанешь шархаться от медуз.

— Я все сделаю для того, чтобы стать спасателем! — пообещал Курехин соседу. — Клянусь своей кибиткой!

— Тогда с сегодняшнего дня ты — на практике.

Санька от радости запрыгал на месте.

— Горю начать! Всегда готов к ав-ав работе! — выкрикнул он один из девизов «Щенячьего патруля».

— Только вид у тебя больно стремный для спасателя, — заметил мужчина. — Вместо круга я тебе выдам оранжевый спасательный жилет. Совсем как у твоего щенка... э-э...

— Зумы! — радостно подсказал парень.

— А вместо повязки подарю тебе настоящий свисток спасателя. Снимай с руки эту тряпку.

— А зачем мне свисток?

— Будешь свистом акул распугивать!

При слове «акул» у Саньки началась нервная икота.

— Да пошутил я! — испугался дядя Миша реакции трусишки. — Свистком спасатель дает команду о прекращении купания и выходе из воды на берег.

Пока сосед умывался и чистил зубы, Санька спрятал под его перевернутую лодку свои круг и повязку и уже пританцовывал в нетерпении начать свой первый рабочий день.

Придя на станцию, они развесили круги, расставили флажки, отстегнули спасательную лодку и зашли в свою будку. Пока Санька открывал ставни и надевал подаренный ему оранжевый жилет, дядя Миша достал бинокль и отметил в журнале время начала смены.

Народу утром было совсем немного. Вода, пахнущая тиной и мидиями, еще не прогрелась, и купальщиков можно было пересчитать по пальцам одной руки.

— До одиннадцати можно смело курить бамбук, — сообщил дядя Миша практиканту. — Садись в лодку, сплаваем во-он туда, поправим буйки. Заодно попрактикуешься в гребле.

Санька мигом запрыгнул в плавсредство, которое с опасностью никак не соотносил — считал, что если в данный момент под ногами твердо, значит, все в полном порядке. Он с раннего детства плавал с соседом на рыбалку. Тот научил его грести передним и задним ходом, делать протяжку и разрезной поворот, огибать препятствия, но при этом был бессилён в своих попытках научить парня плавать. Однажды у самого берега он «нечаянно» столкнул Саньку в воду, рассчитывая, что инстинкт выживания заставит того работать руками и ногами, но он ошибся: пацан наглотался воды, пережил паническую атаку, стал заикаться.

Вера Васильевна кинулась по бабкам-знахаркам и с трудом выходила внука, окончательно смирившись с его фобией. Она купила Саньке большой надувной бассейн, установила его в саду, под деревьями черешни и японской мушмулы, и парень не

вылезал оттуда все лето, продолжая игнорировать море, находящееся в пяти минутах ленивой ходьбы от их дома.

По этой причине дядя Миша был уверен: идея стать помощником спасателя — блажь-однодневка: уже завтра-послезавтра Курехин найдет себе другое занятие, но он ошибся. Каждое утро, в спасательном жилете и со свистком на груди, тот заходил за ним, и они отправлялись на службу.

По громкоговорителю, который Санька называл щенофоном, мужчина регулярно инструктировал курортников:

- Не входите в море в состоянии алкогольного опьянения;
- не находитесь в воде более двадцати минут — могут возникнуть судороги;
- не подплывайте к причалам и пристаням ближе чем на тридцать метров;
- не оставляйте детей без присмотра. Пока вы делитесь в социальных сетях свежими селфи, ваш ребенок может не только потеряться, но и утонуть;
- купаясь, придерживайтесь зоны между флагами, за которой наблюдает спасатель.

В этот момент Саньку распирала безмерная гордость, ведь это он сейчас сидел под зонтиком на наблюдательной вышке. Это он пристально следил в бинокль за поведением купающихся. Это его дядя Миша назвал сейчас спасателем.

Наблюдать за пляжем в бинокль было чрезвычайно интересно. «Вон в просвете между раскрытыми зонтами, под палящими лучами солнца плавают почти голые девушки — лифчиков на них нет, вместо трусов — узенькие шнурочки в попках. И как им только не стыдно?

А вон обжигая ступни о раскаленный песок, бежит мальчик лет пяти с мороженым в руках. Упал, испачкал эскимо, плачет. В двух шагах от него группка детей фотографируется вместе с гигантским пандой — как же ему, наверное, жарко в шубке при температуре плюс тридцать два.

А вон прямо у кромки воды растянулась чья-то собачка. Кажется, она спит. Ее обдувает легкий освежающий ветерок, обмывает язычками пены теплая волна, убаюкивает шум моря. А там, за флажками, по берегу медленно бредут ослик и прогулочный пони. На ослике сидит девочка лет трех, на пони — мальчик постарше. Интересно, меня бы этот пони выдержал?

А на воде — все еще интереснее. Там люди катаются на плюшке, на банане, на водном парашюте и просто плавают без ничего. И совсем не двадцать минут, как велел им дядя Миша. Надо выгнать их из воды свистком», — и Санька изо всех сил засвистел.

- Ты чего это расшумелся? — выскочил из будки дядя Миша. — Тонет кто-то?
- Нет, они правила нарушают, сидят в воде уже больше двадцати минут. Пусть выходят, а то их судороги схватят.

— Не волнуйся! Вода уже прогрелась до плюс двадцати пяти — ничего с ними не случится. Иди лучше купи себе мороженое. Вот деньги — заслужил.

И так — почти каждый день. Раз — до обеда, раз — после, потом — выходной. За месяц работы дяде Мише с Санькой так и не пришлось никого спасать. Зато парень научился мастерски вязать морские узлы и метко бросать спасательный круг.

А потом погода испортилась. Вначале Санька заметил в бинокль только узкую темную полоску, которая медленно приближалась к берегу. Вот она обогнула буй, торчащий из воды, как голова лох-несского чудовища, и подошла совсем близко к их наблюдательной вышке. Поднявшийся ветер начал сносить с голов отдыхающих панамы и неукротимо гнать волны. Ударяясь в берег, те шипели и выбрасывали свои белые языки на пока еще сухой песок. Потом с неба стали падать темные дождевые капли. Пляжников с песка будто взрывной волной смыло — все помчались в укрытие. Дядя Миша с Курехиным последовали их примеру.

Короткими перебежками от одного дерева к другому спасатели неслись к Санькиному дому. В отсутствие Веры Васильевны, отправившейся в Ялту на похороны двоюродной сестры, за парня отвечал сосед.

Они обсушились, поужинали и уселись играть в подкидного дурака. Саньке в этот вечер страшно не везло: дурачком все время был именно он, да не простым, а с погонами. Проиграв в очередной раз, парень расстроился и ушел спать.

На улице выл ветер, стуча ставнями в окна. Грохотало так, будто по небу мчится на своей колеснице Илья-пророк. Дождь лил не переставая. Даже не дождь, а какой-то тропический ливень. В такую погоду обычно хорошо спится, и Санька провалился в сон, как в пропасть.

Проснулся он в семь утра от громких криков жильцов дяди Миши. На улице по-прежнему шел дождь, а в доме на полу плавали коврики и их с бабулей обувь, которая раньше стояла на веранде.

Санька подскочил к окну и глазам своим не поверил: во дворе бушевала большая вода, уровень которой достигал середины забора. Потоки грязи затопили весь двор, сад и огород. Улица превратилась в реку, смывающую все на своем пути.

— Че делается! Че делается! — ухватился Санька за голову. — Бассейна моего уже под деревом нет... велика тоже... и кибитки возле погреба что-то не видно... Хорошо, что я вчера забрал из-под лодки свои каску и повязку, спрятав их от бабули на чердаке, а то сейчас бы их тоже куда-то унесло. Надо будить дядю Мишу — у него вон забор повалило прямо на нашу территорию.

— Ядрена Матрена! — ухватился за голову мужчина, на глазах которого через смываемый потоком забор проплыл во двор соседей его деревянный летний домик и весь находящийся в нем скарб, включая раскладушку, на которой он еще вчера спал. — Что же делать-то, Санька?

— Спасать! Мы же спасатели! — решительно произнес тот. — Наденем рыбацкие сапоги и пойдем искать мою кибитку, велик и бассейн...

— Какой бассейн? Какая кибитка? Их давно уже в море унесло, — чертыхнулся дядя Миша. — Машины вон по улице плывут, как бумажные кораблики. Передвигаться практически невозможно. Поток сбивает с ног...

— Бяда-бяда! — проворчал Курехин, пародируя голос бабули. — Надо кому-то позвонить!

— Точно! — обрадовался растерявшийся мужчина, доставая из кармана свой телефон.

Пока он разговаривал с МЧС, коллегой-спасателем и своими квартирантами, Санька сгонял на чердак за шлемом, повязкой и рыбацкими сапогами. Потом достал из чулана весла от лодки соседа, которые прятал у себя, чтобы тот не поплыл без него на рыбалку.

— Вот! — продемонстрировал он мужчине свои находки. — Можно отправляться спасать людей. «Долг зовет, Санька — вперед! Работа — мне, ав-ав, в охоту!»

— За сапоги — спасибо, они мне очень пригодятся. Дай мне еще твою рыбацкую куртку с капюшоном, и... ты не знаешь, случайно, куда Васильевна багор мой затискала? Это палка такая длинная с тебя ростом, с крючком на конце. Она его на прошлой неделе у меня взяла, не то виноград с беседки доставать, не то что-то плоды с дерева...

— В саду, наверное, оставила. А зачем он вам?

— Да при таком течении как бы в море не смыло. Багром можно за забор зацепиться или за дерево. Заодно и прощупать грунт под ногами — там ведь могут лежать камни, осколки да все что угодно. Ну да ладно, искать некогда, уровень воды все время поднимается. Даст бог, доберусь без приключений.

— Куда доберетесь?

— В штаб спасателей, он недалеко — в гостинице «Чайка», сразу за перекрестком, где ты дядей Степой когда-то стоял. Там МЧС собирает добровольных помощников. Через час-другой объявят режим чрезвычайной ситуации и начнут эвакуацию жителей подтопленных районов в пункт временного размещения. «Чайка» на горке стоит, там всяко посуше.

— Я — с вами!

— Ни в коем случае! — повысил голос дядя Миша. — Ты сейчас поднимешься на чердак и будешь там ждать сотрудников МЧС. Ты меня понял?

Санька молчал. Его глаза были полны слез.

— Заруби себе на носу: выходить сейчас из дому чрезвычайно опасно. Из-за небывалых ливней наша Медянка вышла из берегов и затопила весь город. Рушатся мосты, столбы, ограждения, плывут киоски и автомобили. Через час уровень воды на улице будет выше человеческого роста. Даже спецтехника не справляется со стихией — пожарные машины увязают в глине. И это — в центре города. Представляю, что творится в других районах. Дай мне честное слово будущего спасателя, что ты на чердаке дождешься меня или сотрудников МЧС.

— Дождусь, — скривился Санька, как от зубной боли, подавая дяде Мише свою рыбацкую куртку. — Возвращайтесь скорее.

Через час уровень воды в доме поднялся сантиметров на пять. Парень высоко закатал спортивные штаны и нехотя поднялся на чердак. Там, в углу он увидел багор соседа, но было уже поздно. «Как же я забыл, что бабуля багром снимала из-под крыши осиное гнездо, а потом топила его в ведре с водой, — корил себя Курехин. — А если дядю Мишу без багра унесет в открытое море? И все из-за меня... Надо ему багор как-то передать».

Прошел час, а может, и больше. Ни дядя Миша, ни МЧС за Санькой так и не явились. Ему с чердака было видно всю округу. «Вон — люди, ожидающие спасателей на крышах своих домов; а вон — автомобили, плавающие по улице, как подводные лодки; у ограды городского парка кучкуются прибившиеся к ней мотоциклы и велосипеды. А вон — два парня плывут на лодке, с ними — совершенно мокрая собака. Дождя уже нет. Значит, она — или спасатель, или ее саму только что спасли. Я тоже мог бы кого-нибудь спасти... Кстати, где лодка дяди Миши? Она во-он там стояла, у забора, который потоком снесло ... Да вот же она! У нас во дворе... Зацепилась якорем за ствол черешни и болтается без дела туда-сюда. А могла бы спасти людей и домашних животных... Раз меня Эм-Чэ-Эса не спасает, значит, у нее много других дел, и ей самой нужна моя помощь. Я ведь тоже водный спасатель...»

Санька схватил багор и стал быстро спускаться вниз. Вода в комнатах поднялась уже до уровня колена. Парень надел свой оранжевый спасательный жилет, повесил на шею свисток, натянул на руку красную повязку, нахлобучил на голову треснутый оранжевый шлем. Теперь, по его мнению, он был экипирован, как мультяшный спасатель Зума, не хватало только за спиной небольшого рюкзачка с инструментами, хотя... «Чем не инструмент складной охотничий нож, забытый дядей Мишей на столе?» — подумал юноша, бросая его в карман своих спортивных штанов.

Курехин подошел к двери, но открыть ее не решился — было страшно. Он потоптался на месте, еще раз выглянул в окно. Дождя уже не было, бурного течения тоже, но уровень воды по-прежнему достигал пояса. Еще чуть-чуть — и в доме будет такой же.

Мимо парня по веранде проплыли бабулины резиновые сапоги, как напоминание дяди Миши о том, что на мутном глинистом дне сейчас может находиться все что угодно, и Санька послушно натянул их на свои босые ноги. Затем перекрестился, как

это в экстренных ситуациях делала бабуля, взял под мышку весла, в руку — багор и со словами «Смело — за дело! Оно — в надежных лапах!» открыл дверь и шагнул в водную стихию.

Санька не ожидал, что вода будет такой грязной и такой холодной. Она обожгла юношу, вызвав у него холодовой шок и ощущение бегающих по телу мурашек. У Курехина закружилась голова, зазвенело в ушах, онемели пальцы рук и ног, но он не вернулся обратно. Парень сделал несколько глубоких вдохов, произнес мантру щенков-спасателей: «Рассекай! Нырять глубже! На старт! Внимание! Плюх!» — и, опираясь на багор, продолжил движение в направлении черевешни.

Вскоре тело привыкло к влаге и холоду, Санька перестал трястись и сумел справиться со своей задачей. Он забросил в лодку багор, вставил весла в ключины, как учил его дядя Миша, с трудом, но отцепил якорь от дерева. Затем запрыгнул в лодку и погреб туда, где у них с бабулей раньше были ворота. Выплыв на улицу, направился к гостинице «Чайка», в штаб спасателей. Во-первых, он должен передать дяде Мише его багор, а во-вторых, получить в штабе персональное задание. Ведь он же не пешком туда явился, а на личном плавсредстве, в форме спасателя.

Проплывая мимо городского парка, обнесенного чугунной оградой, Санька заметил мокрую кошку. Она сидела на узкой металлической полоске забора и тихо мяукала.

— Давай прыгай в лодку! — велел он несчастной, но та даже не пошевелилась, продолжая издавать жалобные звуки.

Парень зацепился багром за чугунный прут решетки, привстал и, дотянувшись до кошки, сбил ее прямо в лодку. Спикировав в плавсредство, та стала благодарно тереться о его ноги.

— Да ладно тебе, не стоит! — потрепал он пострадавшую по загривку. — Нет свалки для смекалки!

В десятке метров от этого места парень обнаружил лабрадора, запутавшегося поводком о корни вывороченного дерева, которое, в свою очередь, застряло ветками в чугунной парковой ограде. Замерзший пес был страшно напуган. В его глазах стояли настоящие слезы.

— Отставить панику! — бросил Санька лабрадору. — Отважным щенкам — все по зубам!

Он распутал поводок, посадил пса в лодку и поплыл дальше. Мимо них по улице проносились бочки, бревна, сараюшки, теплицы, собачьи конуры, беседки... В одной из беседок стояла привязанная к перилам коза.

— Вот те здрасьте! — выкрикнул Курехин, увидев плывущую вниз по улице Дерезу. — Горю желанием помочь!

Животное было в ступоре и никаких эмоций не выражало. Догнав беседку, парень зацепился багром за деревянную декоративную решетку, подтянул сооружение к себе. Отвязать козу не получилось, пришлось перерезать веревку охотничьим ножом. И тут Санька заметил в беседке еще одного пострадавшего — забившегося в угол не то маленького кролика, не то большого хомяка. Хотя... какой хомяк? У него же хвост почти как у белки.

— Ты кто? Иди-ка сюда!

Зверек боязливо зыркнул на человека, но команду не выполнил.

— Нет у меня времени с тобой возиться! — разозлился Санька и багром сгрэб животинку в лодку. Та шмякнулась рядом с кошкой и тут же забилась под лавку.

До гостиницы «Чайка» оставалось еще четыре квартала. «Я выгружу там своих пассажиров, получу задание и поплыву спасти людей, — подумал Санька. — А то получится, что я „так-себе-спасатель“ — спас только кошку, собаку, козу и какую-то „чебурашку“. Ой, а это что за страдалец?»

На одном из затопленных парапетов в ожидании помощи сидел ежик. И как он только сумел на него взобраться? Не притормаживая, Санька и его забросил в лодку.

— Пять спасенных! Если бы я послушал дядю Мишу, они бы все погибли, — радовался парень, продолжая свой путь на «большую землю».

В окружающей лодку мутной воде было так много рыбы, что ее можно было ловить руками. Курехин поймал одну и бросил ее голодной кошке. Та шарахнулась от нее, как от огня, видно, еще не отошла от стресса.

— Хозяин — барин, — голосом бабули проворчал Санька. — Была бы честь предложена.

На повороте на улицу Космонавтов юношу ждал еще один сюрприз — дрожащая от холода девушка стояла по грудь в воде и горько плакала, ухватившись двумя руками за сетку-рабицу, которой был обнесен школьный стадион.

— Держись за весло и забирайся в лодку! — скомандовал ей Курехин.

— Не могу, — зарыдала та. — Я лодыжку сломала.

Пришлось Саньке левой рукой зацепиться багром за металлическую сетку, а правой втаскивать потерпевшую в свой ковчег.

— Спасибо тебе большое, — смахнула слезу девушка. — Ты прямо настоящий дед Мазай.

— Готов прийти на, ав-ав, выручку!

Это «ав-ав» ее несколько смутило, но она решила не акцентировать внимание на странностях парня в треснутом шлеме. Чего только на свете не бывает.

— Я — Наташа Бойко, местный блогер и внештатный корреспондент газеты «Черноморский якорь». А тебя как зовут?

— Я — спасатель, Санька Курехин, — пожал он протянутую ему руку. — Везу багор дяде Мише в штаб Эм-Чэ-Эсы. Сейчас выгружу на берег зверей и поеду за людьми.

— За минувшую ночь выпало три месячных нормы осадков. Представляешь? — покачала головой барышня. — Если бы не крупные селевые потоки, забившие все городские водостоки, этого «всемирного потопа» можно было бы избежать.

Санька молчал, ему нечего было сказать по этому поводу.

— А ко мне в гости на собственном автомобиле приехали из Москвы сестра с мужем и племянником. Их машину смыло в море. Теперь не знают, как отсюда выбраться. В аэропорту сейчас — страшная давка, билетов нет. Ума не приложу, чем могу им помочь. Тем более сейчас, со сломанной лодыжкой.

— А у меня бабуля в Ялту уехала... на похороны бабы Раи, — всхлипнул вдруг Санька. — И даже не звонит, хотя знает, как мне одному страшно. И дядя Миша меня бросил, и велик с кибиткой унесло...

— У всех сейчас — сплошные убытки. Стихийное бедствие... Главное, чтобы все мы остались живы-здоровы. Я вон... если б не ты... даже не знаю... Ой, кто это? — подскочила на месте блогер, задев ногой что-то мягкое.

Девушка наклонилась вниз и достала из-под лавки серого дрожащего всем телом зверька.

— Ой, шиншиллочка! Вот бедняжка! Где ты ее нашел?

— В беседке, вместе с привязанной козой.

— Какой же ты, Санька, все-таки молодец! Я о тебе обязательно напишу в своем блоге. Жаль, что я фотку не могу сделать — телефон утопила. Ой, смотри: спасатели плывут!

На соседней улице показались лодки. В одной сидели парни в форме Черноморского флота, в другой — мужчины в форме МЧС. Они гребли в сторону городского парка. «Значит, дядь-Мишиних квартирантов сейчас снимут с крыши», — порадовался за них Курехин.

Чуть дальше парень увидел полицейского. Он нес на плечах маленького мальчика. За ним цепочкой, держась за руки, шли два мужчины и три женщины. Служебная машина с надписью «Полиция» на борту плыла рядом с ними.

А вот и ступеньки, ведущие наверх, к зданию «Чайки». Увидев Санькину лодку, к ней подбежали медики и добровольные помощники МЧС. Кто-то из них сверкнул вспышкой профессионального фотоаппарата, фиксируя всех вновь прибывших, включая шиниллу. Они осторожно вытащили на сушу Наташу Бойко с «чебурашкой» в руках, за ней — козу, потом лабрадора с кошкой и, наконец, ежа.

— Молоток, парняга! — одобрительно поднял вверх кулак один из мужчин, судя по всему, начальник остальных.

— А дядя Миша где? — поинтересовался у него Курехин. — Я ему багор привез.

— Евсюков? Он с добровольцами в детдом поплыл, мелких спасать. А багор тебе самому пригодится. Плыви сейчас под мост. Туда потоками воды прибило десятки домов вместе с животными. Может, там и из людей кто-нить, остался. Вези всех сюда!

— Горю помочь! — отдал ему честь Санька. — Сквозь воду и лед помощь придет!

— Куда ты посылаешь инвалида? — выкрикнул ему один из медиков. — Ты что, Егорыч, не видишь: это же Санька-дурачок.

— Дурачок не дурачок, а гребет исправно! У меня лишних рук нет — все снимают подтопленцев с крыш, вытягивают их из потоков воды. Одни пробивают водостоки, другие эвакуируют детдомовских, третьи спасают хворых в городской больничке. Там первые этажи уже полностью затоплены. Здания похожи на аквариумы. А ты мне тут про интеллект. Вот справимся с последствиями стихии, тогда и разберемся, кто тут у нас дурачок, а кто — умник.

Под мостом перед глазами Курехина предстала жуткая картина. В гигантской свалке разрушенных жилищ стояли жуткий собачий вой и жалобное кошачье мяуканье. Лучшие друзья человека были прикованы цепями к будкам, верандам, заборам. Оказавшиеся в ловушке кошки пытались выбраться наружу, но не могли этого сделать. Спасая собственные жизни, люди забыли или не успели отвязать и выпустить своих животных, обрекая их на верную гибель.

— Ядрена Матрена! — растерялся Санька, не зная, с чего начать. — Да не орите уже так — спасатель Зума пришел к вам на помощь.

Парень бросил якорь и начал багром разгребать завалы. Четырех совершенно обесиленных псов ему пришлось снимать с привязи. Пятую собаку удалось вытащить из мутной жижи в самый последний момент — у нее из воды только кончик носа торчал. Доставая из тонущего дома двух кошек, Санька обнаружил там пожилого мужчину. Заблокированный упавшей на него балкой, от переохлаждения он даже голос не мог подать — вместо него это делали его кошки. Еще трех кошек юноше удалось вызволить, пробив багром дырку в деревянной крыше летнего домика.

Заполнив до отказа свое плавсредство, Курехин двинулся в обратный путь.

— Я еще сюда вернусь, — пообещал он куче обломков, еще недавно бывших домами жителей Черноморска. — Вот этих отвезу в теплое место и сделаю третью ходку.

Замерзшие и до смерти напуганные животные признаков жизни не подавали — сидели, как чучела, и с ужасом глядели на проносящуюся мимо мутную воду. Спасенный же мужчина беззвучно плакал, обнимая свою собаку. Ту самую, которую удалось спасти в последний момент.

— Я все потерял... Теперь я нищий, — повторял он в шоке. — У меня больше нет ничего, кроме Джульбарса.

Санька молчал, не зная, как утешить убитого горем старика. И тут мимо его лодки проплыла большая синяя детская коляска.

— Ядрена Матрена! — нахмурился Курехин. — Она хоть пустая?

Чтобы выяснить этот вопрос, пришлось развернуться, догнать коляску и, зацепив ее багром, подтянуть к лодке. Внутри оказались младенцы-близнецы. Мокрые, голодные, но живые. От постоянного плача у них пропали голоса. Посиневшие от холода пацанята едва слышно сипели, хватая воздух раскрытыми ротиками.

— Бяда-бяда! — только и смог промолвить Санька, привязывая веревку к ручке коляски. Уложить грудников рядом с голодными, пережившими стресс псами он не рискнул.

У гостиницы «Чайка» его встречали как героя. Лодка, полная живности, травмированный дедуля и плывущая рядом коляска с близнецами оказались нерядовым уловом. Люди рукоплескали прибывшим, кричали Саньке: «Молодчина!», щелкали своими телефонами, снимали видеоролики о черноморском Мазае.

— А ты говоришь, дурачок! — бросил Егорыч доктору, принимавшему младенцев из рук парня. — Мне бы в отряд пару таких дурачков, и остальных можно будет спокойно разогнать.

Выгрузив пассажиров, Курехин снова отправился под мост... Больше парня никто не видел. На следующий день его перевернутую лодку нашли недалеко от свалки разрушенных домов, в пятидесяти метрах от моста. Похоже, она перевернулась, натолкнувшись на какое-то препятствие...

По последним данным МЧС, от разгула стихии Черноморск получил колоссальный ущерб. Более пятидесяти человек оказались травмированы, один гражданин погиб, один — пропал без вести. Пропавшим оказался добровольный спасатель Санька, с детства боявшийся большой воды.

«Стихия — это страшная сила! Надо быть очень храбрым, чтобы рискнуть своей жизнью ради чужой, — писала корреспондент „Черноморского якоря“ Наталья Бойко. — Если б не своевременные профессиональные действия Александра Курехина, жертв могло быть в разы больше. Низкий поклон его замечательным родителям, воспитавшим такого отважного, равнодушного к чужой беде человека».

СНЕГУРКА

В цветном разноголосом хороводе,
В мелькании различий и примет
Есть люди, от которых свет исходит,
И люди, поглощающие свет.

Игорь Губерман

Канун Рождества. Центральный железнодорожный вокзал города Новопосадска. На улице — минус двадцать, порывистый ветер и мокрый снег. Несмотря на непогоду, жизнь транспортной гавани не замирает ни на минуту. Шум, суматоха, звуки сочных поцелуев, приставания зазывал-таксистов, нетрезвые выкрики грузчиков-носильщиков.

Зеленые гусеницы электричек выплывают из своего чрева вновь прибывших. Уносятся вдаль междугородные экспрессы, всосав в себя суетливый поток отъезжающих. Несмотря на наличие нескольких терминалов, народ по старинке толпится у окошек билетных касс. Услышав объявление о приближении очередного поезда, пассажиры торопятся на заснеженный перрон. Они жаждут новых впечатлений, предвкушая

рождественское застолье с соскучившимися по ним родственниками, отдых на горнолыжном курорте или долгожданную встречу с любимым человеком...

Именно такая встреча и стала причиной появления на вокзале хорошенькой синеглазой девушки в белой пушистой шубке и высоких белых сапожках. Ни дать ни взять — Снегурочка с картины Васнецова. Отряхнув от снега капюшон и толстую светло-русую косу, она вошла в здание вокзала и устремила взгляд на электронное табло с информацией о прибывающих поездах. Судя по отсутствию багажа, барышня кого-то встречала.

«Граждане пассажиры, — раздался по громкой связи голос дежурного диспетчера, — скорый поезд Москва—Новопосадск задерживается на двадцать минут». Красавица улыбнулась своим мыслям, и на ее раскрасневшихся от мороза щеках появились трогательные ямочки.

Потопавшись у газетного киоска, она поискала глазами свободное место. В зале ожидания яблоку негде было упасть. Молодежь ковырялась в своих смартфонах, среднее поколение шелестело газетами и разгадывало сканворды, пенсионеры дремали. «И куда все едут в такой колотун? — подумала обладательница шикарной косы. — Сидели бы дома, стряпали яства к святому вечеру».

Девушка посмотрела в окно и невольно поежилась от холода. «Заболеть мне сейчас никак нельзя, — пронеслось у нее в голове. — Второй триместр — самый опасный период беременности». Она покрутила головой по сторонам и в дальнем углу помещения обнаружила кафешку со странным названием «Горячка». Рядом с ней расположились два скромных столика с тремя стульями у каждого. «Самое то! — обрадовалась будущая мама. — И присяду, и согреюсь».

Пирожки оказались гадкими пережаренными лепешками, а чай — бурдой со вкусом эссенции. Можно было взять кофе, но в женской консультации ее решительно предостерегли от потребления этого напитка. Оставалось только греть руки о чашку и наблюдать за отъезжающими и провожающими.

Девушке нравилось рассматривать окружающих людей. Ей было интересно, во что они одеты, как себя ведут. Она придумывала им биографии, сочиняла истории с их участием. Пыталась угадать, где те работают, куда и зачем направляются, кого встречают.

Из закутка, занятого «Горячкой», хорошо обзревался весь зал. Блондинка попыталась выбрать персонаж, наиболее подходящий для ее фантазий. Но сделать это оказалось непросто. Вокруг были обычные, ничем не примечательные люди: мужчины с подмороженными цветами в руках, атлетически сложенные юноши в одинаковых спортивных куртках и шапочках. Полицейский патруль, со скучающим видом слоняющийся по вокзалу. Таджики-гастарбайтеры в оранжевых жилетах, прервавшие на пару минут расчистку снега на привокзальной площади. Целый класс детей, которые носились вокруг высокой, украшенной серебряными шарами елки. Рядом с ребятами — две учительницы, совсем молоденькая и пожилая. В руках у последней — пачка билетов на пригородный поезд, вложенная в театральную программку спектакля «Щелкунчик». Стало быть, культпоход. Детишки из районного центра приезжали на рождественское представление в областной ТЮЗ...

Вокруг — ни одного чудика, ни одного фрика. Хотя... В поле зрения девушки попала странная особа, направляющаяся в сторону «Горячки». Одетая она была во все черное и совсем не по погоде: широкий плащ-разлетайка на рыбьем меху, высокие мужские ботинки, бейсболка с козырьком, закрывающим пол-лица. При ней не было ни чемодана, ни дамской сумочки. Руки в карманах. Походка сомнамбулическая, будто к каждой ноге привязана пудовая гирия. Иссиня-черные безжизненные волосы. На шее — татуировка в виде какого-то иероглифа. Не иначе, неформалка из племени готов.

Когда незнакомка подошла ближе, девушка обратила внимание на ее выпирающий живот. «Месяц седьмой, не меньше, — отметила она про себя. — И выглядит не совсем здоровой».

Женщина и в самом деле покашливала, тяжело дышала и нервно озиралась по сторонам. Взяв в киоске две порции двойного эспрессо без сахара, брюнетка села за свободный столик и шумно отхлебнула из чашки.

В васильковых глазах ее соседки вспыхнули огоньки удивления.

— Кофе беременным противопоказан, — негромко заметила она. — Кофеин сужает плацентарные сосуды, из-за чего малыш испытывает кислородное голодание и недополучает необходимые ему питательные вещества.

От неожиданности брюнетка вздрогнула. По ее щеке скользнула судорога, рука потянулась к животу. Убедившись, что все пуговицы на плаще застегнуты, она откинулась на спинку стула и какое-то время задумчиво помешивала ложечкой напиток, в котором не было сахара. Потом вдруг выдала запоздалую реакцию:

— А тебе не по сараю? За собой следи.

Блондинка сдвинула плечами, но следить за соседкой не перестала. Та вызывала у нее двойственное чувство любопытства и жалости.

«Неформалку» вряд ли можно было назвать привлекательной. Ее бледное, не тронутое косметикой лицо выглядело как заготовка для матрешки перед нанесением краски. Только матрешка имеет здоровый вид, а эта... смахивает на узницу Бухенвальда. Острые черты лица, темные провалы под глазами, выступающий вперед нос делали женщину похожей на ворону.

«Наверное, беднягу бросил бойфренд, узнав о ее беременности, и от горя она повредила рассудком или подседа на наркотики, — предположила блондинка. — Скорее всего, второе: взгляд затуманен, реакции заторможены, в глазах — отрешенность от происходящего вокруг. Сидит, как чучело, немигающим взглядом уставившись в циферблат своих огромных мужских часов».

И тут в кармане у брюнетки зазвонил телефон. Она бросила взгляд на табло идентификатора и хриплым, надтреснутым голосом произнесла: «Не парься!» Диалог с собеседником был предельно коротким: «На месте... Опаздывает... Прощай». При этом ее била крупная дрожь, голос вибрировал, на шее пульсировала жилка.

Закончив разговор, женщина сняла бейсболку, приподняла челку парика и рукавом вытерла со лба зернистую испарину.

«Да это же Каринка Рябцева! — узнала блондинка свою бывшую школьную подружку. — Нашлась пропажа!»

Они жили на одной лестничной площадке, сидели за одной партой, вместе чудили и бедокурили. А летом, после восьмого класса, Рябцевы неожиданно исчезли. Почти за бесценок продали квартиру и переехали неведомо куда. Карина ей даже прощального письма не оставила и ни разу не позвонила.

— Привет, Ринка! — подседа девушка за столик Рябцевой. — Сколько лет, сколько зим!

На лице «неформалки» застыло выражение полной растерянности. Поспешно натянув головной убор, она забарабанила пальцами по столу, соображая, что ответить. Повисшая пауза неприлично затягивалась.

— Это же я — Светка! Ясенева!

Плотно стиснутые губы наконец разомкнулись.

— И че? — бесцветным голосом произнесла Карина, скользнув по Светлане отсутствующим взглядом.

Блондинка не обиделась. Она видела, что бывшая подруга сейчас — в неадеквате.

— Рин, куда ж ты тогда пропала? Я тебя везде искала: знакомых опрашивала, мониторинговала социальные сети, даже в передачу «Жди меня» писала...

Рябцева молчала, нервно покручивая в руках чашку с недопитым кофе.

— А помнишь, — взяла ее за руку Светлана, — как мы с тобой занимались телефонным хулиганством, а твоя бабуля нас за этим застукала?.. А как ты в столовке Вовке Бурдюкову на башку вылила стакан киселя за то, что он назвал тебя Курочкой Рябой?.. А как нас покусали бродячие собаки, и мы получили по шесть уколов от бешенства? А как мы пошли на дальние дачи искать твоего Барсика и заблудились?..

Рябцева задумалась, по ее лицу пробежала тень улыбки. Мутные глаза на миг приобрели осмысленное выражение.

— Было дело... под Полтавой, — тихо произнесла она, не спуская настороженно-го взгляда с прогуливающегося вдоль билетных касс полицейского патруля. — Мы на тех дачах еще семерых котят в коробке нашли возле мусорного бака... Ты всех их к себе домой забрала... Потом полгода пристраивала «в хорошие руки»...

Предаваться воспоминаниям Карине не хотелось, встреча эта ее совсем не радовала, но Ясенева от нее не отставала.

— Так куда ты тогда пропала, подружка дней моих суровых?

— Серый в блудняк вписался, родаков на бабло выставил, — произнесла она после долгого молчания. — Пришлось хату продать и слиться к деду в райцентр. Звонить и писать мне запретили, нельзя было светиться: Серегу «дружки» искали. Как мы ни гасились, его таки выпасли... отбили весь ливер... инвалид сейчас... Бухает, люто бычит, тянет из стариков бабосы. Деда он еще три года назад ушатал — такие исполнялки ему устраивал, что тот не выдержал и зажмурился...

На глаза Светланы навернулись слезы, ей было жаль, что из-за брата жизнь подружки так круто изменилась. Она вплотную придвинулась к Рябцевой, обняла ее за плечо.

— Сама-то ты как? Работашь, учишься? Замужем? Когда рожаешь?

Из списка заданных ей вопросов Карина выбрала второй.

— Да негрела тут пару лет на одного оленя... Шаурмой торговала в его точке... Сначала было терпимо, потом начались говнотерки... Совсем, ушлепок, очешуел. Хотел, чтоб я за одну зарплату и работала, и сексуальные услуги ему оказывала. А чтоб была сговорчивей, посадил меня на крепкий минус. Пришлось делать ноги. Родаки, ясен веник, взвились на дыбы. Стали упрекать куском хлеба. Их, видишь ли, не втыкает мой образ жизни. Серегин, значит, втыкает, а мой — нет... Короче, не общаюсь я с ними больше.

— А живешь где?

— Дамир квартиру снимает в трех кварталах отсюда. С ним и живу. Мы по Интернету познакомились.

— Здорово! А фото его у тебя есть?

Рябцева потянулась к мобильнику, но тут же одернула руку.

— Нет! Вчера я все фотки стерла.

— Поссорились? Он ребеночка не хочет?

Карина заерзала на стуле. У нее побелели губы, мелко затряслись руки.

— У тебя что, ломка? — забеспокоилась Светлана.

Та закусила губу.

— Ннннет... Знобит просто. По ходу вирус какой-то цапанула.

Ахнув, Ясенева спешно отодвинула свой стул подальше от собеседницы.

— Нам, будущим мамочкам, категорически нельзя болеть, — погладила она себя по животу.

— Надо же, а по тебе и не скажешь! — прошелестела Рябцева осипшим голосом. — А че это ты вся в белом, как Снегурка? Хоть бери и ставь тебя под елку.

Пухлые губы Светланы растянулись в улыбке, обнажив восхитительные белые зубы.

— Так невеста я! На днях замуж выхожу. Жениха вот встречаю. Олег любит, когда я в белом и с косой. Он у меня офицер. В Москве учится, в Военной академии Генерального штаба. А я заканчиваю педагогический, буду учительницей младших классов.

— Ты всегда была повернута на мелких спиногорызах, — поморщилась Карина, перехватив умильный взгляд Светланы в сторону бегающих по залу детей.

Ясенева и впрямь не отрывала от ребятишек глаз. Особенно от близнецов — братика и сестрички, курносых, рыжих, щекастых, одетых в одинаковые пуховички и похожие шапочки. Последние отличалась лишь наличием огромного белого помпона на головном уборе девочки.

Близнецы с хохотом гонялись друг за дружкой. Спустя минуту они оказались возле «Горячки». Увидев Светлану, остановились как вкопанные.

— Смотри, Женька, Снегурка сидит, — кивнула девочка в сторону Ясеновой.

— Да ну тебя, Жанка, — фыркнул мальчишка, — она не настоящая. Настоящие Снегурки дарят детям подарки.

— А вот и настоящая. Подарки она оставила в камере хранения. Мы их получим, когда будем отсюда уходить.

— А давай подойдем к ней и спросим, настоящая она или нет.

Взявшись за руки, близнецы приблизились к столику, за которым сидели бывшие подруги, но заговорить никак не решались. Стояли и молча сопели. Светлана подмигнула ребятам, собираясь с ними пообщаться, но Карина ее опередила:

— А ну, горох, сыпь отсюда, а то ща по ботве настучу!

— Ведьма! — испуганно прошептала девочка. — Погнали отсюда, пока она нас не поймала, — и дети помчались к елке.

«Граждане пассажиры, — прожурчал по громкоговорителю уже знакомый женский голос, — объявляется посадка на пригородный поезд Новопосадск—Богдасhevск. Поезд находится на третьем пути первой платформы. Отъезжающих просим занять места в вагонах». И тут же, без паузы: «На первый путь прибывает скорый поезд Москва—Новопосадск. Будьте осторожны!»

В зале ожидания началось броуновское движение. Одни пассажиры мчались на платформу, другие спешили занять согретые ими места. С печатью особой миссии на челе к выходу неторопливо прошествовали контролеры-ревизоры в новых зимних куртках с красным фирменным логотипом. За окнами задребезжали багажные тележки. На полную громкость включился гимн города, которым вокзал традиционно встречал фирменные поезда.

Девушки одновременно вскочили на ноги. Но быстро выбраться на перрон им не удалось — у выхода образовалась пробка. Карина отошла в сторонку, оперлась спиной о колонну. Из опасения навредить в толчее будущему ребенку Светлана повторила ее маневр.

Мимо них проплыл ручеек построенных парами детей во главе с молодой учительницей. Пожилая замыкала процессию, пересчитывая своих подопечных по головам.

Движение вдруг приостановилось. Школьники в нетерпении загомонили, пытаясь понять причину пробуксовки. Педагог им что-то сказала, но из-за гимна города, эхом отдающегося под сводами зала, те ничего не расслышали.

Рябцеву снова залихорадило. Ее бледное лицо покрылось красными пятнами. Руки задрожали, глаза забежали. Казалось, еще мгновение, и она потеряет сознание.

— Ринка, ты что?! Не нервничай так — ребеночка напугаешь, — бросилась к ней Ясенева. — На курсах будущих мамочек нам рассказывали, что при панической атаке нужно нежно поглаживать пузико, вот так...

Светлана засунула руку под плащ Карины, и ее глаза расширились от ужаса. Там был вовсе не беременный живот, а широкий матерчатый пояс с выпирающими из него металлическими цилиндрами.

Сердце девушки трепыхнулось и провалилось вниз. Пульс забарабанил в висках. В голове воцарилась абсолютная тишина. Ясенева повернула голову к людям и встретилась взглядом с близняшкой Жанкой, не теряющей надежды получить от Снегурки подарок. Она закричала девочке: «Бегите!», но из мгновенно пересохшего горла не вырвалось ни звука.

Рябцева тем временем спешно засовывала руки в карманы. В голове у Светланы будто тумблер щелкнул. Ухватив Карину за отвороты плаща, она швырнула ее на землю. Да так сильно, что у той с головы слетели и бейсболка, и парик.

Свидетели происшествия застыли в изумлении, наблюдая, как очаровательная девушка в белом катает по земле «беременную женщину средних лет». После короткой борьбы последней удалось-таки засунуть руки в карманы. Тогда «белая» запрыгнула сверху на «черную», прижав ее своим телом к холодному бетонному полу.

Секундной стрелке на мужских часах смертницы оставалось сделать один финальный прыжок.

ТРИНАДЦАТЫЙ

Был обычный сентябрьский вечер. Жители спального района «Солнечный» возвращались с работы, покупали в супермаркете продукты, выгуливали собак, катали на качелях детей. Торопились на свидания, делали моцион, выносили мусор в разноцветные дворовые контейнеры. И только жильцы трех соседних домов на улице Генерала Ватутина как вкопанные стояли во дворе, задрав головы вверх. Взволнованные люди снимали на мобильные телефоны парня, сидящего на краю крыши крупнопанельной девятиэтажки с цифрой шестнадцать на фасаде. Молодой человек расположился в самом углу дома. Его ноги, обутые в светлые кроссовки, болтались в воздухе.

По двору рыскали репортеры городского телевидения, снимая прибывших на место происшествия полицейских, припаркованные у подъезда машины экстренных служб, колоритного майора в синей форме сотрудника МЧС. На шее у мужчины болтался биннокль. В левой руке он держал рацию, в правой — прижатый к уху сотовый телефон.

— Докладывает майор Баженов, — басил он в трубку. — Мы на месте... Прыгун, товарищ полковник... Парень лет двадцати-двадцати пяти... Сначала стоял на краю крыши, сейчас сидит, спустив ноги вниз... Территория у дома оцеплена, зеваки и папарацци удалены на безопасное расстояние, во дворе дежурят полиция и «скорая»... Ничего не требует. наших и смежников не подпускает — грозит прыгнуть. Пришлось вызвать Зайко... Надемся, товарищ полковник... У Зайко из двенадцати операций все завершились успехом... Так точно, товарищ полковник, буду держать вас в курсе.

В это время на крыше шестнадцатого дома появилась девушка, невысокая, худенькая, рыжеволосая, с веснушками, щедро разбрызганными по всему лицу. Одетая она была в джинсы и клетчатую куртку с капюшоном. На ногах — высокие шнурованные ботинки-гриндерсы, на голове — красная вязаная шапка-петушок.

Девушка приблизилась к парню на безопасное расстояние. Тот сидел на невысоком ограждении крыши, придерживаясь правой рукой за ночной сигнальный фонарь, предназначенный для предупреждения пилотов о наземном препятствии. На крыше было довольно ветрено. Поежившись от холода, девушка набросила на голову капюшон.

— Красота-то какая! Я тоже люблю смотреть на город глазами птиц, — произнесла она простуженным голосом, глядя на открывающуюся взору панораму. — Незабываемое ощущение безмятежности... Будто паришь над людской суетой, над низменными страстями, над своими проблемами, и вопрос «Быть или не быть?» решается сам собой.

На звуковой раздражитель парень не реагировал. Сидел, ссутулившись, онемевший и окостеневший, словно нахохлившийся голубь.

— Некошерно получается. С тобой барышня разговаривает, а ты к ней спиной повернут и молчишь, аки дворник Герасим, — обиженно заметила девушка. — Раз уж сидишь на моем месте, давай знакомиться. Меня Женькой зовут. Для друзей — Жека Рыжик. Это — мое дворовое прозвище и никнейм в социальных сетях.

Молодой человек даже ухом не повел. Расстояние между ним и Женькой в этот момент составляло миллион парсеков.

Выразительно вздохнув, Рыжик села по-турецки на потрескавшийся от времени рубероид, достала из кармана пачку сигарет и телефон, положила их рядом.

— Але, чел, ты сейчас где?

Нервно дернув плечом, парень полуобернулся. Его лицо было безжизненным и серым, как посмертная маска, а глаза... глаза принадлежали человеку, неспособному испытывать какие-либо эмоции. Он смотрел на девушку как из другого измерения, устало и равнодушно.

— Малая, ты кто? — разлепил он наконец побелевшие от напряжения губы.

— Жека Рыжик, — дружелюбно повторила та. — А как зовут тебя?

— Ну, положим, Антон, — едва слышно прошепел тот.

— Ооо, да ты едва бельмесишь! Бухой, что ли?

— Не-а.

— Псих с осенним обострением?

— Нннет.

— А че ж тогда народ будоражишь? Внизу толпа собралась с биноклями и айфонами. В доме напротив зрители залипли на подоконниках с тазиками попкорна. Телевидение вон подъехало — у них новостной план горит. Криминальные репортеры со всего города сбежались. Все ждут зрелища, а ты крышу задницей греешь. Давай рыбкой вниз. Не заставляй людей нервничать.

На шее Антона вздулась вена толщиной в палец. Глаза приобрели осмысленное выражение. Кадык судорожно задергался. Парень мазнул по Женьке взглядом, наполненным злостью и раздражением. Это были его первые живые эмоции за последние сутки.

— Что пристала, как репей к собачьей заднице? — катнул он желваками по скулам. — Иди отсюда!

— А то че? Вычеркнешь меня из завещания? — рассмеялась девушка. — Ты эту крышу не приватизировал. У тебя, кста, огнива нет? Свое я где-то посеяла.

Антон достал из кармана толстовки фирменную «Zippo» с изображением аллигатора и бросил ее через плечо.

— Дарю! Мне она больше не понадобится.

Женька поймала зажигалку в воздухе. Выбила из пачки сигарету. Прикурила.

— Согреюсь немного. Замерзла, как зюзик. Второй месяц не могу из бронхита выломиться, — пожаловалась она Антону, сморкаясь в бумажную салфетку. — А ты че, всерьез решил выпилиться?

Парень тягуче сплюнул вниз.

— Серьезнее не бывает...

Гипнотический взгляд девушки прилип к его затылку. Женька мысленно приколавывала Антона к краю крыши большими кровельными гвоздями.

— У тебя кто-то умер? — тихо поинтересовалась она. — Ты болен СПИДом? Рак в последней стадии? Тюремный срок корячится?

— Все мимо, — шумно задышал молодой человек.

— Неужели девочка бросила? — с иронией в голосе произнесла Женька.

— И это тоже... Как ты сюда пробралась? Здесь же менты кругом?

Рыжик сделала глубокую затыжку и с детским интересом проследила за кольцами дыма, плавно уплывающими к небесам.

— Через соседний подъезд. Я там живу. У нас дверь на технический этаж открывается любой шпилькой.

— Ну, и чего ты от меня хочешь, Рыжик, или как тебя там?

— Дык фоточки хочу запилить в свой блог. Подборку под названием «На краю стою». У меня уже десять тысяч подписчиков. Было бы больше, но я честный блоггер — не практикую мертвых душ, ботов, накруток и покупок, как это делают другие. Если не возражаешь, я сделаю селфи.

Не дожидаясь согласия парня, Женька повернулась к нему спиной, вытянула руку вперед, щелкнула мобильником.

— Фигово вышло, — расстроилась девушка, рассматривая снимок. — В кадр попала ремонтная лебедка, да и ты здесь какой-то странненький. Я тоже вышла, как белка, оббевшаяся горохом. Давай еще раз. Улыбнись такой пронзительной прощальной улыбкой... Нет, не так. Это — жалкая гримаса труса, никчемно профукавшего свою жизнь. Улыбнись, как герой, идущий на вражескую амбразуру. И отодвинься от края — ноги в кадр не входят. Знаешь, сколько народу будет разглядывать твои последние фотки, включая эту? Тьма! И среди этой тьмы — твоя бывшая пассия. Как ее, кстати, зовут?

Повисла звенящая пауза. Воздух наполнился невидимыми флюидами: Женька мерилась силами со Смертью. Этот раунд выиграла она — Антон подчинился. Спустя пару секунд он уже сидел не на ограждении, а на сто лет не видевшем ремонта битумном покрытии. Парень вытянул вперед худые длинные ноги, скрестил на груди руки, склонил голову к левому плечу.

Женька тут же приняла идентичную позу и стала выдувать сигаретный дым сквозь свисающую на глаза челку. Так они и сидели какое-то время, молча рассматривая друг друга.

— Светка, — произнес вдруг Антон.

— Что, Светка?

— Подругу мою бывшую Светкой зовут... Мы жили вместе... Она ушла от меня...

Женька потянулась за новой сигаретой, приготовившись к долгому разговору.

— Из-за бабы? — покачала она головой. — Я фигею в этом зоопарке...

— Не только из-за бабы, — стал оправдываться парень. — Я еще работу потерял... и квартиру, которую государство дало мне после детдома... и деньги... В общем, все, что у меня было.

Во взгляде девушки, убежденной в том, что девять из десяти проблем разрешаются путем их простого игнорирования, читалось искреннее удивление.

— Подозреваю, что моими предками были шаманы, — задумчиво произнесла она. — Уж очень хочется дать тебе в бубен.

Антон вдруг обмяк, словно из него вынули продольный стержень. Ноздри парня завибрировали, потухшие очи стали излучать свет. Он смотрел на Женьку глазами олененка Бэмби, столкнувшегося с суровыми законами борьбы за выживание.

«А еще говорят, что детдомовские успешно преодолевают трудности и им по плечу любые преграды... Ложные стереотипы», — подумала Женька, разглядывая проплывающие над головой облака.

— Слышишь, как потрясно свежестью пахнет? — бросилась она в омут импровизации. — Это — озон. Значит, быть осадкам.

Спустя минуту с серого неба заморосил противный мелкий дождик.

— Бегом сюда! — махнула Рыжик Антону, перемещаясь под небольшой козырек надстройки для лифтового оборудования.

Парень автоматически выполнил команду, усевшись на корточки рядом с девушкой. В схватке со Смертью Рыжик выиграла еще одно очко.

— Курить хочешь? — подняла она вверх зажженную сигарету.

— Бросил. Вредные привычки нищоброду не по карману, — изрек Антон и тут же приник к никотиновой палочке, как аквалангист к шлангу. — Сама бросить не пробовала?

— С вами бросишь...

— С кем это, с нами?

— С мужиками, с кем же еще... Проблемные вы очень, — проворчала Женька, закуривая новую сигарету. — Давай рассказывай, что у тебя стряслось.

Сделав глубокую затяжку, Антон приступил к исповеди.

— Мы со Светкой хотели пожениться, на Мальдивы полететь, машину купить, мебель итальянскую... Квартира у нас уже была... Вот...

Парень волновался, путаясь в своих мыслях, как в чужой одежде. Пальцы, сжимающие сигарету, заметно дрожали. В глазах застыло выражение беспредельного отчаяния.

— ...Я работаю электромонтером, зарплата не аховая, а Светка хотела все и сразу. Вот я и вписался в блудняк из-за быстрых денег... Прогорел... Ну, как прогорел — подставили меня... Потом начали вымогать деньги за испорченный товар...

Молодой человек нервно сглотнул, на его глаза навернулись слезы.

— ...Поставили меня на счетчик, пообещали убить. Пришлось кредит взять под залог квартиры. Пока выяснял отношения с отможенными на всю башку братками, Светка заявила, что такой головняк ей не нужен. Что *нормальные* девушки не связываются с парнями, у которых проблем больше, чем у них самих. Слиняла, в общем... Квартиру мою банк забрал за долги. С работы вытурили за прогулы — я ведь метался, как муха в кипятке, надеясь малой кровью решить финансовый вопрос...

Антон будто прорвало. Он говорил без умолку. Рассказывал, как разыскивал своих беспутных родителей. Как пытался продать почку, чтоб рассчитаться с долгами. Как искал выходы на французский Иностраннный легион и ЧВК Вагнера¹. И как ему везде не везло.

Женька вся превратилась в слух. От сигареты на джинсы падал пушистый пепел, но девушка этого не замечала, проникаясь проблемами парня, сочувствуя его неудачам, переживая его ошибки.

— Как бы мне хотелось сейчас проснуться в десятилетнем возрасте и узнать, что вся эта сегодняшняя фигня мне просто приснилась, — прошептал Антон дрожащими губами. — Из моей ситуации просто нет выхода...

Ты повержен? Тебя уложили?

Не печалься, подумай сперва:

Даже если б тебя проглотили,

Выход есть, скажу больше — их два!!! —

процитировала Рыжик неизвестного оптимиста. — Ты думаешь, у *меня* все тип-топ? Да ни фигя! Тоже... сплошное получение полезного опыта. Я хоть и не детдомов-

¹ Неофициальное вооруженное формирование, участвующее в боевых действиях за деньги.

ская, но нахлебаться все равно успела... Когда мне и шести лет еще не было, папашка мой улетел опылять другой цветник. Мама тогда сильно заболела. С тех пор из больниц не вылезает... Невезучая я. Ни тебе крепкого здоровья, ни финансовой удачи, ни мужика нормального рядом... Когда мой парень променял меня на дочку своего босса, я тоже хотела сделать выпуль. Знаешь, что мне помешало? Внешний вид моей тушки, размазанной по асфальту, и верблюд.

Антон взирал на девушку в тупом недоумении, но пристать с расспросами постеснялся.

— Так вот, я тогда живо представила себе новостной сюжет, в котором мои бранные останки отскребают от земли совковой лопатой, рассуждая при этом о причинах столь небогоугодного поступка. Высказывают предположения о том, что я страдала психическими расстройствами и, возможно, злоупотребляла психоактивными веществами. И весь этот бред слышат мои родственники, сослуживцы, соседи, недруги, предавшие меня парни. Слышат и — одни крутят пальцем у виска, другие злорадствуют, третьи получают подтверждение своей правоты — мол, хорошо, что вовремя дистанцировались от меня, идиотки. Вот я и решила не доставлять им удовольствия.

— А верблюд? — таки не удержался Антон.

— Верблюд... Это — идея-фикс с самого раннего детства. Я никогда не каталась на верблюде. Думала, вырасту, начну зарабатывать, поеду отдыхать в Египет, на крайняк, в Каракумы. Взгромозжусь на корабль пустыни — аккуратно между горбами — и поплыву... Прикинь, до сих пор не насобирала не то что на Египет — даже на очень Среднюю Азию... Ну, как можно подохнуть, не осуществив детскую мечту?

В глазах девушки заблестели слезы.

— Вот скажи мне, — ухватила она парня за рукав, — я что, многого от жизни хотела? На верблюде покататься! Не на драконе огненном, не на динозавре-трицератопсе, не на жар-птице сказочной... На обычном вонючем верблюде, — всхлинула Рыжик, выбрасывая свой окурок в вентиляционный «грибок» шахты мусоропровода.

Крупные слезы текли по ее лицу, срываясь и падая вниз. Антон молча гладил Женьку по тоненькой, как прутик, руке, не зная, как отвлечь ее от горьких мыслей.

— Что это у тебя за татуха такая? — нашелся он наконец, узрев на запястье девушки «браслетик», состоящий из двенадцати пятиконечных звездочек.

— Да так... — замялась Женька, одергивая вниз задравшийся рукав. — Бортовая статистика.

Антон сделал брови домиком. Пришлось объяснять.

— Советские летчики в годы Великой Отечественной войны отмечали свои воздушные победы пятиконечными звездочками на бортах самолетов. Вот и я подобным образом фиксирую свои победы... на любовном фронте.

— Это... за какой период?

— За последние два года.

Антон превратился в экспонат музея восковых фигур.

— Ничего себе! — выдохнул парень, у которого до Светки не было никого, если не считать одноклассниц, отношения с которыми ограничивались поцелуями под школьной лестницей. — Че ж ты тогда жалуешься на отсутствие мужика?

— Я сказала НОРМАЛЬНОГО мужика, — уточнила Рыжик. — С которым можно не только в койке кувыряться, но и строить долгосрочные отношения. Говорю же — невезучая. Таким, как я, только и остается ловить на крыше дзен.

— Кого ловить на крыше? — вытаращил глаза Антон.

— Дзен. Отрешенность от бытовых мелочей и погружение в себя.

Размер глаз собеседника не только не уменьшился, но и несколько увеличился. Этот факт заставил девушку проявить гуманизм.

— Когда мне становится совсем хреново, я прихожу сюда с ковриком для йоги, взбираюсь на надстройку для лифта, сажусь в позу лотоса и ору, — перевела она предыдущую фразу на доступный парню язык.

— В смысле, орешь? На кого? — не понял тот.

— На врагов-предателей. На жизнь фиговую. На эту загаженную крышу, мать ее. За бугром на таких крышах сады выращивают, помогая природе перерабатывать CO₂ в чистый воздух, а у нас это — кладбище тросов, лебедок, самопальных антенн, элементов оборудования «времен очаковских и покоренья Крыма». Ну как тут не орать?

— И что, помогает?

— Можешь не верить, но продолжительный крик дает мощный эффект: снимает стресс и напряжение, приводит эмоции в равновесие. Давай попробуем вместе.

По небу продолжали плыть серые клочки облаков, но дождика уже не было. Ветер тоже угомонился. Зацепившись за край небосклона, закатное солнце перечеркивало горизонт узким красным лезвием.

Женька с Антоном взобрались на лифтовую надстройку. Под ними в полупрозрачной дымке лежал умытый дождем город — километры и километры крыш до самого горизонта. Ребята взялись за руки и стали кричать. Громко, яростно, истерично, от всей души. В два голоса они бранили своих недругов, депутатов, соседей, коллег, начальство... Молодые люди сквернословили, рычали, как сумасшедшие, протяжно выли: «Аааааааааа! Уууууууу! Оооооооо! Ыыыыыы!» Когда был испущен последний крик, оба почувствовали невероятное облегчение, спокойствие и умиротворение. Подобные ощущения испытала и соседняя многоэтажка, сотнями стеклянных глаз наблюдавшая за приступом безумия чудаковатой пары.

— Ну что, дружок, отпустило? — подморгнула Женька парню. — Спускаемся потихоньку вниз?

— Мне некуда идти, — развел тот руками.

— Есть! — уверенно произнесла девушка. — Сейчас ты отправишься в городской кризисный центр, где тебя обеспечат кровом и питанием, окажут медицинскую и психологическую помощь. Поддержат, помогут с поиском работы. Среди друзей по несчастью проще найти новых приятелей, встретить новую любовь... По рукам?

Тишина завибрировала, как натянутая струна. Доли секунды показались Женьке вечностью. Если бы существовали приборы, измеряющие человеческое напряжение, в этот момент они бы все зашкалили одновременно...

— По рукам! — признала Смерть свое поражение, и парень двинулся к выходу. Там его уже ждали двое мужчин в синей форме с золотыми шевронами.

— Кто это? — обернулся он к Женьке, все еще восседающей на лифтовой надстройке.

— Чип и Дейл, — абсолютно серьезно ответила та. — Они о тебе позаботятся.

Последней крышу покинула Евгения Зайко, психолог Центра экстренной психологической помощи МЧС. Спускаясь по лестнице тяжелым, забивающим сваи шагом, девушка не могла унять отходняковую дрожь. У нее кружилась голова, першило в горле, бешено колотилось сердце: она панически боялась высоты.

Во внутреннем кармане куртки вдруг забулькала рация. Женька обессиленно присела на ступеньку.

— «Альфа», это «Зайка». Прием, — засипела Рыжик окончательно сорванным голосом.

— Зайка моя, это — высший пилотаж, — восхищенно пробасил майор Баженов. — Набивай на свой фюзеляж тринадцатую звездочку.